

*Отношения - это всегда
работа двоих.*

**Анатомия
одной семьи**

Роман

**НАТАЛИЯ
МИРОНИНА**

Наталья Миронина
Анатомия одной семьи
Серия «Счастливый билет»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48776269

Анатомия одной семьи / Наталья Миронина: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-104299-8

Аннотация

Когда двое очень хотят быть вместе, то способны порвать со старой жизнью и начать все с нуля. Олег Федотов был большим начальником в Озерске и уже несколько лет жил в гражданском браке. Встретив Инну Соломатину, свою первую любовь, и узнав, что она до сих пор любит его, Федотов решает все бросить и уехать к любимой в Москву. Теперь они вместе. Олег нашел работу, квартиру, сделал предложение. Казалось бы, вот оно, счастье. Но брак – это тоже испытание. Быт, ребенок, банальная ревность – хватит ли силы чувств, чтобы остаться вместе?

Содержание

Вступление[1]	4
Часть первая	6
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Наталия Миронина

Анатомия одной семьи

Вступление¹

Час был ранний. Зрителей было немного. Три тетки пенсионного возраста да две молодые мамы с колясками. Эти пятеро сидели на одной длинной скамейке аккурат против Дворца бракосочетания и внимательно наблюдали за происходящим. А на высокой лестнице стояла худенькая невеста в нежно-голубом костюме, с букетиком ландышей и с кружевной накидкой на пышных волосах. Именно эта накидка и вызывала живейший интерес.

– Брюссельские кружева, – с видом знатока произнесла одна из мамаш, – я такие хотела, да дорого очень.

– Фи! – сказала вторая. – Что ж тут дорогого?! Кусочек в полметра!

– Дорого! – упрямо повторила первая, видимо, вспоминая свою свадьбу.

– Красивая невеста, но не молодая уже, – проговорила одна из пенсионерок.

– Это ты не молодая уже, – оборвала ее другая, – тоже

¹ Первую часть истории Инны Соломатиной читайте в романе «Ищи меня за облаками».

мне... Хороша девка. Очень хороша. И фата красивая, богатая.

Третья пенсионерка ничего не сказала. Она внимательно смотрела, как из подъехавшей машины вышел статный красивый мужчина. Вышел и стал подниматься по ступенькам.

– Батюшки, – выдохнули тут все зрительницы, – хромой. Калека. С палочкой!

– Может, временно? Ну, типа, шел-шел, ногу ударил о камень, – вслух предположила молодая мамаша.

– Нет, давно такой, видишь, как ловко он с этим костылем управляется, – сказала одна из пенсионерок.

– И ведь полюбила! – обрадовалась вторая мамаша. – Полюбила! Вот, я всегда говорила, что полюбить любого можно! Понимаешь, любого!!!

– Ой, да ладно! Скажешь тоже, любого! Этот, наверное, богатый. А она – бедная, – отмахнулась первая мамаша.

– Смотрите, смотрите, как она рада ему! А это ее родители... А его где?

Группа людей на высоком крыльце Дворца бракосочетания заволновалась, заколыхалась и стала просачиваться в широкие двери.

Наконец исчез последний приглашенный. Зрительницы посидели еще немного, посплетничали об увиденном и стали потихоньку расходиться.

Часть первая

Преддверие жизни

Глава первая

Про прошлую жизнь и кружевную фату

Как это было? Инна задумалась. И вспомнила тот день, когда Олег Федотов встретил ее в Шереметьево. Мелочи, детали уже забылись – все же почти два года прошло. Но главное – чувство радости осталось. Когда Соломатина увидела Олега, она вдруг поняла, что все это время жила ради этого момента. Инна помнила, как в щегольской летной форме вышла из служебного входа аэропорта Шереметьево, как стучали ее каблучки, как чуть позади плелась Варя. Потом от толпы встречающих отделился Федотов. Он шел быстро, помогая себе тростью.

– Это он? – вдруг в спину ей спросила Варя. – Это тот, которого вы любили, и тот, чей звонок вы прождали всю жизнь?

– Да, это он, – тихо ответила Соломатина.

– Ну и дура вы, Инночка, – непочтительно проговорила

Варя. – Вы бы всю жизнь могли прождать. И не дожидаться. Понимать же надо...

И Соломатина не рассердилась на эту резкость. Соломатина легко согласилась. «Да, я была дурой! Кто же спорит?!» Инна помнила, как, улыбаясь, смотрела на приближающегося Федотова. А сердце ушло в пятки.

– Привет, – сказал Федотов и обнял Инну.

– Знаешь, я никуда тебя не отпущу. Вот хоть тресни ты на этом месте! – ответила тогда Соломатина.

Инна точно помнила эти свои слова. Сейчас, выбирая платье и фату, она повторила эти слова. «Не отпущу! Никуда его не отпущу. Что я, зря все это время ждала?» – сказала она сама себе и повернулась к продавщице.

– Вот эти. Эти кружева для фаты.

– О да, – улыбнулась та, – они очень красивые.

Впрочем, платье и фата – это были приятные итоги. Этим итогам предшествовали сложные разговоры и еще более сложные поступки.

Тогда, в Шереметьево, они сначала пили кофе в местном баре, разговаривали о пустяках, о том, какое впечатление произвел Осло, какая там погода, как прошел полет.

– Слушай, я так и не привык к мысли, что ты стала стюардессой. Вот уж виражи так виражи!

– Олег, это временно, хотя и очень нравится. Я собираю материал для научной работы. Меня интересует психология в условиях постоянного стресса.

– А перелеты для профессионала – это стресс?

– Любая перемена привычной среды обитания – стресс.

Что небо, что вода, что горы.

– То есть ты добровольно, ради науки, так сказать... – улыбнулся Федотов.

– Да, добровольно, ради науки... Я и летать научилась ради науки.

– Ты летаешь? Как летчик?

– Да, у меня лицензия есть.

– Господи, Инна! – развел руками Олег и тут же добавил: –

Впрочем, все ожидаемо.

– Что ты хочешь сказать?

– Я же тебя помню той Инной, которая пришла волонтером в больницу, опекала меня и однажды не подала мне костыль.

– Я сделала это специально. Ради тебя.

– Это было жестоко. Я ненавижу тебя. Ты мне казалась злобной стервой. А еще – маленькой карьеристкой. Такие в школах бывают.

– А когда ты понял, что я не такая?

– Позже. Когда меня выписали. Когда вернулся в интернат. Я о тебе думал все время. И зауважал за то, что тебе хватило духу так вести себя. Ты не жалела меня. Для этого нужен характер. И вот сейчас он еще раз проявился.

– Ты захвалишь меня. Я сделала много ошибок в этой жизни.

– А кто их не сделал? И я тоже ошибался.

– Кстати, – закашлялась Соломатина, – ты не удивился, что я позвонила из Осло?

– Нет. Я ждал твоего звонка.

– Что? Так вот и ждал? Буквально каждый день? А сам между тем после нашей встречи в Озерске ни разу не объявился!

Федотов молча улыбался. Соломатина смутилась. Она опять вспомнила слова своей напарницы Вари: «Ну и дура вы, Инночка. Вы всю жизнь могли прождать. Понимать же надо!..»

– Федотов! – решительно начала Соломатина. – Федотов! Понимаешь, я хочу сказать, что я хочу выйти за тебя замуж. Стоп! Не перебивай...

– Да я не перебиваю, – посмеивался Федотов.

– И хорошо. Иначе я никогда тебе этого не скажу. Олег, вот нам с тобой уже за тридцать... не будем уточнять, как далеко.

– Мне так уже тридцать шесть, – рассмеялся Федотов, – если я ничего не путаю.

Соломатина посмотрела на него строго:

– Не перебивай. Я собьюсь с мысли.

– Извини.

– Так вот. Я хочу сказать, что делаю тебе предложение. Руки и сердца. Я хочу стать твоей женой.

Повисла пауза. Женский голос сообщил о посадке еще од-

ного лайнера и предупредил о том, чтобы пассажиры не доверяли свои вещи незнакомым людям. Федотов внимательно смотрел на Соломатину, та старательно что-то искала в сумочке. Молчание затягивалось.

– Ну что ты будешь делать! Не могу найти помаду. Она вечно теряется, – пробормотала Инна, и в ее голосе послышались слезы, – да не смотри ты на меня так, Федотов!

Она в сердцах швырнула салфетку в чашку с кофе.

– Иди ко мне, летчица моя! Что же с тобой делать, железная моя женщина?!

– Женись, – пробормотала Инна, взяла руку Федотова и уткнулась в нее лбом.

– Я не могу.

– Знаю. Татьяна твоя, я в Озерске вас видела. Ты любишь? Вы поженились? У вас дети, да?

– Мы не поженились и детей нет. Люблю ли? – Олег замолчал. – Ты же понимаешь, я не могу сейчас о ней говорить. Нехорошо это. Хотя если уж ты спросила. Татьяна – это другое. Я – счастье для нее. Ты – счастье для меня. И мне страшно причинить вам обоим боль. Сейчас разбить ее жизнь. А потом – осложнить твою.

– Понимаю. Но как же мы? Так ведь не бывает – столько вместе пережить...

– Инна, – Федотов мягко отнял у нее свою руку, – мы с тобой ничего не пережили. Мы встретились, будучи школьниками. Глупыми, дерзкими и не очень соображавшими, что

к чему... И потом мы не встречались. Переписывались, но встреч почти не было.

– Почти не было...

– Хорошо, были, но ты же сама понимаешь... Этого мало.

– Понимаю, Федотов, – Инна вдруг перестала психовать.

Она поняла, что это последний их разговор. После они уже ничего не смогут сделать.

– Я все понимаю, Олег. И думаю, дело в твоей ноге. В том, что у тебя инвалидность. И в том, что, разговаривая со мной, ты забываешь о том, что победил все, включая диагнозы и прогнозы врачей. Что там тебе доктор говорил? Что на всю жизнь два костыля. И почти лежачий образ жизни. А что мы имеем? Мы имеем успешную карьеру. Да, ты не ученый-математик. Хотя и мог бы им стать. Если бы не испугался. Но ты и так многого достиг. Ты инженер-строитель, общественный деятель. Тебя знает весь Озерск и половина Москвы. Я наводила справки. И знаешь, почему ты сейчас вспомнил свою инвалидность? Потому что ты боишься стать обузой. Ты боишься, что мне достанется муж-калека. Так вот, ты можешь этого не бояться. Мне все равно, как ты ходишь. Мне важно, что между нами было чувство. И что со временем оно никуда не делось. Понимаешь? Ни мой Антон, ни твоя Татьяна не могут заслонить то, что когда-то возникло. И если со стороны это покажется смешным, то мы-то с тобой знаем, чувствуем, что оно есть. Только надо признаться себе в этом. А ты трусишь. Я – нет. Я не боюсь. Я поэтому и позвонила

тебе. Я понимаю, что время не наш союзник. И надо спасать то, что было. И потом, я тебя люблю. Знаешь, есть такое чувство, которое не обжигает, но согревает, как хороший камин. И долго держит тепло. Чтобы не происходило в моей жизни, я всегда помнила о тебе. И этим нельзя пренебречь.

Соломатина замолчала и отпила кофе из федотовской чашки. Потом она слезла с высокого табурета и сказала на прощание:

– Я через четыре дня опять улетаю. И улетаю на неделю.

Подхватив чемоданчик, она вышла из бара. Федотов остался.

Они опять летели на другой конец земли. Соломатина рассказывала Варю о встрече с Федотовым.

– Вот дурак какой! Какой дурак! – причитала стюардесса Варя. И нельзя было взять в толк, о ком она. О Федотове или о своем женатом командире воздушного судна.

– Да, дурак, – отзывалась Инна.

Они только что закончили кормить пассажиров. В салоне пахло кофе. До приземления оставался час с небольшим. Соломатина подумала о том, что теперь в воздухе ей гораздо лучше, чем на земле. Здесь можно много думать, планировать и оставлять все на «потом». Это успокаивало. На земле что-то тянуло к незамедлительным и решительным действиям. «Все, хватит действий, уже поставила себя в дурацкое положение!» – вспоминала Соломатина последний разговор

с Федотовым. Она не жалела о нем, но воспоминания были тягостными.

– Инночка, как вы думаете, этот ваш Федоров встретит вас сегодня? – спросила Варя. Соломатина безошибочно поняла природу интереса. Как все неудачно влюбленные, Варя важно было понять, насколько несчастливее ее Соломатина.

– Думаю, нет. Между нами все кончено, – сухо ответила Инна.

– Да что вы, не думайте так, – тут же воодушевленно воскликнула Варя, – вот мой КВС тоже говорил, что больше не позвонит мне. А накануне отлета часа три проговорили...

Варя хихикнула. «Этим разговором она «живет» весь полет», – поняла Инна. Пока подруги переживали в небе, на земле Олег Федотов решал свои проблемы.

* * *

Озерск, город маленький и тихий, жил предчувствиями судьбоносных изменений. Стройка огромного многоцелевого комплекса, которая завершалась на берегу озера, подходила к концу и сулила невероятный взлет общественной и экономической жизни. Горожане строили планы – должны были появиться новые рабочие места, новые транспортные маршруты, ожидался наплыв туристов, и командировочных, и любопытствующих. Город теперь имел не только удивительное озеро, но и огромный комплекс, в котором разместились оте-

ли, концертные залы, спортивные арены, магазины и многочисленные офисы. «Город в городе» мог вместить тысячи людей. Железнодорожное расписание претерпело изменения – добавили два регулярных поезда из Москвы и один из Питера. Городское жилое строительство набирало обороты.

– Даже не знаю, что теперь будет! Приходится расширять отдел, – сказала вечером Олегу Татьяна, когда он приехал с «объекта» и сел ужинать. – Слышишь, что говорю? Люди нужны. Но где взять таких? Толковые по столицам разбежались! Кстати, как у тебя дела? Ты был у мэра?

– Не успел, – мотнул головой Федотов.

– Не затягивай, решение о твоём назначении принято. Я точно знаю. Но к мэру надо сходить. Сам понимаешь, засвидетельствовать.

Федотов сам все знал. Его утвердили на должность начальника отдела строительства и городского хозяйства. Это был небывалый карьерный скачок. Впрочем, тот, кто его назначал, знал, что делал. Федотов был движущей силой этой огромной стройки. Он станет движущей силой всего городского хозяйства. И дел у него будет невпроворот. И ответственности тоже. Федотов не боялся ни того ни другого. Назначение воспринял сдержанно. Но сейчас Олег рассеянно поводил ложкой по тарелке и промолчал.

– Господи, да что с тобой? – обеспокоенно воскликнула Татьяна.

– Устал, – наконец произнес Олег. Потом он взялся за си-

гареты: – Знаешь, я пойду покурю. – Федотов вышел из кухни, опираясь на трость.

Татьяна понюхала недоеденный суп, потом зачерпнула ложкой, попробовала на вкус.

– Нормальный суп. Даже вкусный, – пожалала она плечами. – Что это с ним?

Федотов вернулся минут через двадцать и вместо того, чтобы поддержать разговор Татьяны о нехватке дельных кадров и грядущих переменах, подвинул ей стул и попросил:

– Таня, присядь, я кое-что хочу рассказать.

Удивленная женщина села напротив Федотова.

– Я хочу переехать в Москву. Один. Ты прости, но так надо. Если я сейчас останусь – себе не прощу, тебя измучаю. И вообще все пойдет наперекосяк.

– Ты с ума сошел? Какая Москва? – посмотрела на него Татьяна. Она даже не успела удивиться расставанию, она удивилась федотовскому пренебрежению к его собственной карьере. – Какая Москва? Ты будешь королем города. Понимаешь, строительство, понимаешь, хозяйство. Все городское хозяйство! Мне ли тебе объяснять!

– Я понимаю, – кивнул Федотов, – и все же.

– Спятил. Переутомился и спятил. Да за тебя такие люди поручились! – кипятилась Татьяна. Она, как человек чиновного мира, отлично понимала все расклады и знала, что означает такое доверие, которое оказывается сейчас Федотову.

– Таня, да плюнь ты на эти расклады. Ты не услышала главное, – поморщился Олег. – Таня, я один уезжаю в Москву.

– Да уезжай куда хочешь, – отмахнулась Юдина. – Голову снесло, что теперь делать!

Потом она внимательно посмотрела на него.

– Постой, так это не блажь? Это не закидоны? Это что-то другое. Понятно. Ты – дурак. Просто дурак. У тебя сейчас жизнь такая будет! Ты же карьерист, тебе это нравится! Ты на своем месте сидеть будешь. А ты из-за какой-то бабы. И меня, и строительство, и город... Бросаешь!

Татьяна вдруг поняла смехотворность своих слов и замолчала. А замолчав, осознала происходящее. Они расстаются. Они, которые прожили не один год, привыкли друг к другу, вроде бы даже и полюбили друг друга, стали парой для всего города, должны расстаться.

– Кто она? Из здравоохранения, та, которая приезжала с проверкой, да? А, нет, та странная – с поэтами приезжала?! Весь город обсуждал, как ты ее на строительство возил. Я же все понимала... – Татьяна покраснела от гнева. – Нет-нет... Много времени прошло. Но нет, это не она. Это Ниночка из библиотеки. Все тебе глазки строила: «Олег, возьмите, это новый детектив...»

Татьяна передразнила библиотекарьшу с тонким голосом. Федотов даже не улыбнулся. Татьяна наблюдала за ним. «Господи, да это же позор! Это позор на весь город. Сначала

наблюдали и сплетничали, что мы сошлись. Потом осуждали, что мы не поженились. Теперь будут говорить, что он меня бросил. Меня! Бросил!» Татьяну захлестнуло отчаяние. Она знала, что маленький город – безжалостный, перемелет их кости, даже не поперхнет. Федотову что – он уедет, а она останется. И потом, она же его любит. Любит его прямо-ту, его честность. Любит его красивое лицо, статную фигуру. Она даже не замечает его хромоту. Юдина бросила взгляд на Олега и выпалила:

– Уходи. Уезжай. Мне калека не нужен!

– Не говори так, меня этим не обидишь, а сама потом локти кусать будешь.

– Не буду. Я и не любила тебя. И мужики у меня были. Здоровые, без всех этих, – Татьяна изобразила скособоченность.

– Ну тогда, Таня, и обсуждать нечего. Я в гостинице пока поживу, за вещами завтра заеду.

Федотов встал, аккуратно поставил на место стул, вышел в прихожую. Через мгновение захлопнулась дверь. Юдина осталась сидеть в кухне.

По дороге в отель Федотов промок под дождем, но не спешил. Он уже понимал, что отсюда уедет. В любом случае. При любом развитии событий.

В отеле его встретили удивленно, но приветливо.

– Что это вы к нам? – удивилась администратор.

– Завтра рано на стройку. От вас ближе добираться, – на-

шелся Олег.

– Ага, тогда завтрак вам пораньше накроем. Машину вызвать?

– Да, спасибо.

Администратор уже знала, что Федотов без пяти минут большое, очень большое начальство, поэтому старалась. Впрочем, она бы и так старалась, но, может, не так официально. Ведь к Олегу в городе относились хорошо.

– Разбудите меня в шесть, ладно? – попросил Федотов.

– Даже не переживайте! – заверила дежурная и, как только Олег скрылся в лифте, набрала телефон подруги:

– Федотов ночует у нас, в отеле. Как же это его Татьяна отпустила?! Интересно, что бы это значило.

Пока дежурная сплетничала, Федотов принял душ, аккуратно развесил костюм и улегся на постель. Он не спал, а думал о том, что же такое он совершает сейчас и что же такое его отношение к Инне Соломатиной.

В романах и в кино случаются подобные повороты сюжета – герой встретил героиню и влюбился на всю жизнь. Читатель или зритель даже не спрячет улыбку – так наивно и неправдоподобно выглядят подобные истории. Но, с другой стороны, разве мы не встречали таких людей? Встречали. Не часто, но встречали. И даже, не отдавая себе отчета, завидовали этим людям. У них не было сомнений и мучительного выбора. Их чувство с самого начала было зрелым, а поступ-

ки ответственными. Так казалось нам, со стороны. И только они знали, что надо было пережить и через что пройти, чтобы сохранить это чувство.

История Инны Соломатиной и Олега Федотова, повстречавшихся еще в юности, была полна потерь. И главной потерей было – время. Именно эту роскошную вещь они растранжирили, и теперь оба стояли перед выбором – оставить все, как есть, или быть вместе, наверстывая упущенное. И Федотов выбрал второе.

Олег Федотов не забывал Инну Соломатину. Вот так смешно получилось – школьница-волонтер, в белом халатике, смешная, вредная, противная в своей настырности, запаала в душу. Ведь ее поведение – жестокое и заботливое одновременно – он оценил тогда. Другой бы на его месте увидел бы только жестокость, но только не он, одаренный мальчик-математик из детского дома, из интерната. Он, знающий цену вниманию, он все понял правильно, хоть и обиделся тогда.

Федотов опять заворочался на постели. Он вспомнил, как хромал на двух костылях к лестнице. Вспомнил, как боле-ла нога. Вспомнил, как жгла обида – почему именно он? Почему именно ему не повезло во время этой лыжной прогулки?! Почему он так сломал ногу?! Олег хорошо помнил чувство полной беспомощности после операции. Умывание, душ, туалет, одежда – все давалось ему с трудом. Пришли

на помощь медсестры – они жалели сироту, к тому же из другого города. Но у медсестер было полно своих забот. И вот тогда появилась она – Инна Соломатина. Как же Федотов стеснялся! Своей хромоты, неподвижности и своего положения тяжелобольного человека. Она была такая опрятная, свежая, ладная, ее белый халатик скрипел от крахмала, а он пропах бинтами, грубым мылом и небрежным мытьем. И потом эта лестница, его ковыляние с костылями и этот злополучный, выпавший из рук костыль. Олег помнил, как деревяшка загремела по ступенькам, как он непроизвольно, растерянно оглянулся на сопровождающую его Соломатину. И он помнил ее лицо и то, как она не сдвинулась со своего места. И еще он помнил ее слова: «Твой костыль, ты сам и поднимай!»

Он поднял костыль. И с этого момента они не сказали друг другу ни слова. Странной, молчаливой парой они ходили по дорожкам больничного парка. Соломатина стала его тенью. Немой тенью.

А потом его выписали. Инна больше не приходила в больницу. И в конце концов он написал ей письмо. Вот только адреса ее не знал, поэтому адресовал письмо доктору, который его лечил, сопроводив просьбой разыскать Соломатину. Олег почему-то был уверен, что человек, который тоже так много сделал для него, не откажет и в этот раз.

Иногда Федотов спрашивал себя, что ему мешает жениться, завести детей, окончательно стать «оседлым» человеком.

Ответа он не находил. Только пассивно ждал каких-то перемен и оправдывал свое бездействие тем, что не хочет быть обузой. «Как ни крути, как ни уговаривай себя, но надо помнить о главном: я – калека», – говорил он сам себе, когда становилось невмоготу от желания встретиться с Соломатиной.

Когда-то ему прочили блестящее будущее.

– Никто и ничто не встанет у тебя на пути. Ни конкуренты, ни твое нездоровье, – деликатно сказал ему профессор Московского университета во время собеседования. О встрече договорился интернат – как-никак Федотов был гордостью не только Озерска, но и всей области.

– Так вот, у тебя все козыри в руках. Главное, сам в себе не сомневайся, – повторил этот пожилой человек.

Федотов и не сомневался в себе – он знал, что решит все правильно. Поэтому пошел не в математическую науку, а в обычный строительный институт. Олег понимал, что должен уметь зарабатывать деньги. А наука – дело такое, иногда совсем неприбыльное. Учеба давалась легко, а еще появилась страшная злость, которая помогла преодолеть хромоту. То есть хромота осталась, а вот повадки изменились. Когда про-раб Федотов приезжал на объект и месил костылем и больной ногой грязь, люди слушали его внимательнее и уважительнее. Впрочем, и организатором Олег был неплохим, и научился разговаривать в «серьезных кабинетах».

Карьера пошла вверх. Иногда по вечерам Олег вспоминал Инну Соломатину и гадал, как бы она отнеслась к его выбору

и решениям. Если бы у Федотова был близкий ему человек, вникающий в жизненные коллизии, то он удивился бы такой привязанности и такой душевной памяти. Но как это ни прозвучит странно, именно Соломатина была самым близким, хоть и случайно встреченным человеком. Еще был доктор, Владимир Анатольевич, тот самый врач, хирург, который лечил и опекал Олега в больнице. С ним Федотов поддерживал отношения – звонил, иногда заглядывал в гости. Их разговоры давно носили близкий, почти родственный характер. Однажды после очередного, важного для Олега, повышения Федотов приехал к врачу.

– А его нет. Уже неделю как на работу не ходит, – сказали ему в отделении и добавили: – Вот вы, наверное, близкий ему человек, повлияйте на него.

– А что такое? – удивился Федотов.

– Пьет. Страшно пьет. Как жену потерял, так и пить начал.

– Вот как! – удивился Олег, а потом припомнил кое-какие детали и понял, что доктор пьет давно.

Адрес Федотову дали сразу:

– Поговорите с ним. Мы его прикрываем, жалко, ведь такой врач, такой хирург был! – причитали сослуживцы.

«А что вы сами не влияете!» – разозлился про себя Олег, но, когда увидел жилище врача, все понял. Не каждый войдет сюда, не каждый отважится разговаривать с этим почти опустившимся и агрессивным человеком

– Владимир Анатольевич, что случилось? – спросил Олег,

пытаясь вызвать на разговор доктора.

– Ничего. У меня давно ничего не случается! – отрезал тот.

Олег, предусмотрительно поставив на предохранитель дверной замок, сбежал в ближайший магазин. Затем, засучив рукава и не обращая внимания на проскальзывающие агрессивные нотки в голосе доктора, быстро приготовил простую горячую еду. На картошку с тушенкой Владимир Анатольевич набросился словно зверь. И чай с пряниками пил долго и молча. А потом заплакал.

«Скоты, идиоты и подлецы!» – подумал про себя Федотов. Глядя на грязную квартиру врача, глядя на исхудавшее его лицо, примечая страшные свидетельства запустения, почти социального дна, Федотов вдруг вспомнил модную теорию про лечение алко- и наркозависимых. В социальных сетях с подачи модных и ухоженных психологов популяризировалась теория о том, что пьющего человека надо оставить одного. Выгнать из дома, дабы он не мешал здоровым, сменить замки, выставить его с чемоданом на улицу. Мол, тогда либо человек возьмется за ум и захочет лечиться, либо... Вот про «либо» эти идиоты умалчивали. Федотов, который внимательно прочел полемику по этому поводу, смотрел сейчас на доктора и видел результата вот этого самого «либо».

– Владимир Анатольевич, собирайтесь, вы поедете со мной. В Озерск. Там есть врачи, они вас немного подлечат. А захотите, останетесь там. Хорошие хирурги в Озерске очень

нужны.

Федотов в Москве задержался на целых две недели – он устраивал дела Владимира Анатольевича.

– Зачем вам это надо? Из-за его квартиры? У него же нет наследников, – спросила его тетка в больничной канцелярии.

– О, вы этим поинтересовались, а состоянием его здоровья – нет, – парировал Олег, а потом зло добавил: – Я доведу до сведения вашего начальства, как вы поступали со ставкой Владимира Анатольевича. Насколько я понимаю, вам выгодно было, чтобы он пил. Деньги вы себе брали?

И, напугав тетку этим своим последним вопросом, Федотов вылетел из кабинета.

В Озерск они прибыли без приключений. Доктор пить не спешил, вел себя тихо и все рассказывал, как умирала его жена.

– Понимаешь, я – врач, а помочь ей не смог! – сокрушался он. Федотов слушал, задавал вопросы, присматривался. «Да это от одиночества и горя. Ему бы помочь немного, и он вернется к нормальной жизни!» – понимал Олег. И весь следующий год он плотно опекал доктора.

– Ты помнишь Инну Соломатину, ту девчонку, которая тебя выхаживала? – однажды спросил доктор.

Они гуляли в парке – Владимир Анатольевич проходил курс лечения и реабилитации, который полностью оплатил Олег.

– Помню, – ответил Олег и даже покраснел. Ему иногда

казалось, что встречаться с доктором ему приятно, потому что это какая-то нить, которая приведет к Соломатиной.

– Где она сейчас? Что с ней? Почему вы не вместе? – спросил доктор. И эти вопросы, заданные так просто, с обычным человеческим участием, развязали Олегу язык. Он стал рассказывать обо всем, что его так волновало, о прошлом, о настоящем, о будущем. Доктор слушал, кивал и утешал Олега.

Только поздно вечером Федотов вдруг почувствовал облегчение: «Все нормально со мной. Вот даже доктор не удивился – можно влюбиться вот так случайно и любить долго, помнить всегда...»

Из Озерска доктор все же уехал.

– Спасибо тебе, вытащил меня. Но я должен вернуться в Москву. Там дом, могила жены. В больницу я не вернусь – устраюсь в поликлинику. А сидеть у тебя на шее негоже! Ты и так многое для меня сделал. За что огромная благодарность.

– Да бросьте, вон вы меня ходить научили...

– Я тебя прооперировал, а вот ходить научила тебя Соломатина. Помни всегда об этом. И на крестины позовите.

Но на крестины Федотов доктора не позвал. И Соломатину опять не разыскал. На одном из районных совещаний он случайно встретил Татьяну Юдину.

Татьяна Юдина была некрасивой красавицей. Небольшого росточка, с полными и немного непропорциональными формами. Большая грудь, большая попа, не очень длинные,

полные ноги. Лицо было прелестным. Пухлый рот, тонкий нос с горбинкой, глаза большие, серые. Все это производило приятное впечатление, но больше всего очаровывал смех – гортанный, завлекающий. Когда Татьяна начинала говорить, она непроизвольно повышала голос и как бы захлебывалась эмоциями. Она притягивала взгляды, заставляла прислушиваться к себе. Женщины независтливые не могли не отметить ее привлекательность, мужчины, все как один, чувствовали ее сексуальность.

Татьяна была уроженкой этих мест – деревня неподалеку от Озерска была ее родиной. В городе она сначала работала директором клуба, потом Центрального дома творчества, затем перешла в районную администрацию, на должность руководителя отдела. Все без исключения говорили, что ее карьера – это результат романа с одним из руководителей области. Но так говорят всегда, когда женщина умеет работать и поднимается по служебной лестнице. Таня ничего не отрицала, но и ни с чем не соглашалась. Она добросовестно работала и хотела выйти замуж. Федотова она заметила давно. Олег был красив мужской сильной красотой, хромота в глазах Татьяны была достоинством.

Их знакомство началось с лопнувшей сардельки.

– Господи, – застонала Татьяна, когда жирный сок брызнул из-под копченой шкурки.

Был перерыв, и все, кто присутствовал на совещании, пошли обедать в местное кафе.

– Да, не повезло, но плюньте, – посоветовал Федотов, видя как убивается Татьяна из-за пятна на шелковом шарфе.

– Да, легко сказать, – покачала головой Юдина и тут же рассмеялась. Смеялась она замечательно – все повернули голову в ее сторону. Федотов неожиданно для себя отметил это обстоятельство. Почувствовав вдруг мужскую гордость от того, что рядом с ним красивая женщина, Олег, наклонившись к Татьяне, тихо сказал:

– Я вам куплю точно такой шарф.

– Не купите, – так же склонив голову к Федотову и так же тихо ответила Юдина, – он из Италии. Сама привезла, на последние деньги купила.

Федотов закашлялся:

– Гм, тогда конечно...

– Да ладно, пятно – не страшно. Шарф – не платье, его можно так повязать, что пятна видно не будет.

– Ну да, – пробормотал Федотов. Когда говорили о женских темах – одежда, обувь, украшения, – он совершенно терялся. Все его прежние немногочисленные знакомые-подружки, отношения с которыми были вялыми и непродолжительными, никогда ничего с ним не обсуждали. А Федотов иногда даже не мог вспомнить, какого цвета платье на ком было.

Вернувшись домой после совещания, Федотов еще пару раз вспомнил Юдину и разговор с ней. «Приятная», – отметил он про себя. Потом еще несколько раз вспомнил про пят-

но на шарфе и неожиданно подумал, что хорошо бы в Италию съездить. Федотов из-за ноги почти не путешествовал. Раз только побывал в Турции, но просидел большую часть времени на террасе с книжкой. Плавать он ходил в мелкий бассейн, вечерами, когда уже никого не было вокруг. Причиной этому опять же была больная нога. Изувеченная, она была некрасива, и дети, играющие вокруг, неизбежно обращали на нее внимание. После этой поездки Федотов убедил себя, что лучше отдыха с удочкой на дальнем берегу озера ничего не придумаешь. Но разговор с Татьяной, ее смех заставили его вдруг подумать, что он живет в каких-то шорах, искусственном загоне. Весь вечер он, бездельничая, прослонялся по квартире. Что было совершенно не характерно для него – Федотов, если не работал, то тогда читал или решал математические задачи, находя в этом успокоение. Но встреча с Татьяной слегка покачнула весы, и математические задачи на какое-то время оказались заброшенными.

Телефон зазвенел, Олег посмотрела на него и совершенно точно уже знал, что это Татьяна. Он даже не удивился, откуда у нее мог быть его телефон.

– Олег, представляете, а пятно отстиралось! – раздалось в трубке, и Федотов улыбнулся. Значит, есть телепатия и предчувствие.

– Я рад, поскольку шарфик вам идет. И жаль память об Италии пачкать.

– Это хорошо вы сказали, – серьезно произнесла Татьяна

и совершенно спокойно добавила: – Я сейчас за вами заеду, отвезу к себе, и вы отремонтируете мне лампу.

– Какую лампу? – вот сейчас Федотов удивился.

– Да какая разница какую. Найдем какую-нибудь, – прозвучал ответ.

Олег рассмеялся – все становилось легким, простым и шальным. А это было контрастом его жизни – строгой, тяжелой, правильной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.